

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СЕРДЦЕ» В ТРАКТАТЕ «ИСПОВЕДЬ» БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА ГИППОНСКОГО

Аннотация: В статье предпринимается попытка анализа концепции понятия «сердце» в трактате «Исповедь» блаженного Августина Гиппонского. «Исповедь», у которой есть два адресата – паства и Бог, – дает возможность научиться вслушиваться в переживаемое человеком чувство на пути к Богу. В трактате блаженный автор многократно описывает состояние своего сердца, давая читателю и, соответственно, своей пастве, личный опыт в общем пользовании.

Ключевые слова: блаженный Августин, «Исповедь», сердце, нравственность, грех, смертность души.

Цитирование: Касенкин В. А., диакон. Особенности определения понятия «сердце» в трактате «Исповедь» блаженного Августина Гиппонского // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 2 (23). С. 92–103.

Сведения об авторе: Касенкин Владимир Анатольевич, диакон – магистрант Санкт-Петербургской Духовной Академии, клирик кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы Уфимской епархии Башкортостанской митрополии (Россия, г. Уфа). E-mail: kasenkin@inbox.ru

Поступила в редакцию 25.04.2022

Принята к публикации 04.07.2022

Понятие «сердце» в русском богословии является коренным понятием, и нередко возникает представление, что русское богословие рассматривает понятие как богословскую новацию. Богословское понятие «сердце», тем не менее, возникает еще со времен, отделенных от современности тысячью лет. Умно-

сердечная молитва, как метод обожения, опирается на понятие «сердце» именно потому, что сердце человеческое воспитывается и обоживается в христианстве, являясь средоточием души человека, о чем пишет преподобный Иустин (Попович) [4, с. 293]. В настоящей статье проводится анализ концепта «сердце» в «Исповеди» блаженного Августина. Будучи откровенным исповеданием, проповедью и автобиографией, трактат блаженного Августина выстроен как множество вопрошаний к собственному сердцу и Богу, где вопрошания вполне могут оставаться без ответа. Вопрошания прочитываются как промежутки между ударами сердца, раскрываясь важнейшим личным опытом обращения к Богу, таким опытом, который пастырь может разделить с паствой.

Возникает вопрос, который требует ответа от человека, читающего «Исповедь» – вопрошания и восклицания Августин обращает к Богу, а когда к читателю? Адресаты вопрошаний в «Исповеди» и Господь Бог, и «внутренний человек», обнаруживаемый Августином в его собственной памяти, живущий во времени его собственного бытия. «Августин подсказывает своему читателю, что если он хочет ответить на вопрос «Кто я?», то ему следует попытаться рассказать свою собственную историю. Абстрактные ответы – «Я римлянин», или «Я грек», или «Я христианин», повлекут вопросы «Что это значит быть римлянином, греком, христианином?» [5, с. 38], – пишет в своем исследовании В.М. Литвинский. При этом следует учитывать необходимость дальнейших интерпретаций и сопутствующих вопросов. Отсюда значит, прочесть «Исповедь» означает понять, «кто Августин» и «кто я».

Доктор философских наук В.М. Розин отмечает, что в «Исповеди» вопрошающий есть как «Августин колеблющийся», так и «Августин уверовавший». «Верующий» Августин двойственен так же: 1) колеблемый и 2) тот Августин, что пишет «Исповедь». «Личность обнаруживала в себе двух разных людей, которые боролись между собой (и в этой борьбе, пишет Августин, «раздиралась душа моя»). Нужна была новая сборка человека как

личности. И Августин предлагает ее в «Исповеди» [6, с. 37]. Вопросы не всегда завершаются ответами. Может быть, самому Августину они не столь важны, потому что постановка вопросов и обнаружение «внутреннего себя» дают внутренний опыт и откровение. Нельзя отнести «Исповедь» исключительно к жанру автобиографии. В.М. Розину представляется, что сфера вопрошаний Августина состоит из трех процессов: античного понимания личности, богословского понимания личности средневековья и процесса трансляции опыта обретения личного христианства [6, с. 37–38].

«*Sanctum desiderium*»¹ блаженного Августина предстает как особое исповедное явление. Блаженный Августин обращается к слезам – обычного человека и праведника, «сеющего слезами». Сердце не плачет по обычным причинам, которые называет С.А. Степанцов на основе анализа: утрата вещей, имущества, свободы, родных людей. Слезы же духовного сеяния бывают другого рода. Праведник плачет о другом человеке, и о том, который плачет бесплодно. «Праведник же плачет и от того, и от другого – а значит, он плачет больше» [7, с. 39]. Чувства «*sanctum desiderium*» и есть причина, по которой проливаются слезы праведника. Конечно, бывают сходные причины слез праведника и обычного человека. Но для праведника слезы становятся хлебом. «Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: „где Бог твой?“» (Пс. 41:4), – о чем и пишет псалмопевец. Здесь отражается человеческая по Богу печаль, насыщающая душу человека. Жажда Бога часто упоминается блаженным Августином. Тему тоски по Богу в «Исповеди» подмечает М. Дюлаэ, дает понимание слез, что наполнены сладостью, хлебом для алчущего Бога сердца, как слезы, что «утешили стенающего, напитали алчущего, они залог и доказательство присутствия и действия в человеке Духа» [2, с. 230–231].

¹*Священная тоска (лат.).*

Августин предстает в «Исповеди» человеком социальным, прожившим в суете мира, но и человеком внутренним, вырвавшимся (или вырывающимся) вовнутрь себя, обретая Бога, насыщаясь Богом, слезами по Богу. Слезы же выражают сердечное чувство. Понятие «сердце» в своей «Исповеди» блаженный Августин использует почти двести пятьдесят раз. Ключевая логика обращения к сердцу состоит в том, что узнать покой сердце может лишь успокоившись в Господе [1, с. 4]. Именно такой смысл обретения покоя в Господе происходит, как обретение избавленного от зла бытия и обретения нравственности. Августин понимает, что подлинное горе есть отсутствие любви к Богу [1, с. 7]. Слышащее, способное к слуху сердце обращает к Господу душа человека, вступая в свое подлинное бытие. Лишь в чистоте сердца человек приобретает Спасение [1, с. 21–22]. До обретения слышащего сердца, говорит блаженный Августин, «я не любил Тебя, я изменял Тебе, и крики одобрения звенели вокруг изменника» [1, с. 26].

Сквозь понятие «сердце» становится ясна глубочайшая (до решимости на публичную исповедь) нравственно-психологическая драма человека. Человек после уверования желает нравственной чистоты сердца. Блаженный писатель противопоставляет чистому сердцу состояние «липкой смертности» [1, с. 186]. Грех, липкостью своей обволакивая человека, лишает свободы. Близкое и дальнее окружение ожидает от человека привычного поведения, понятного восприятия, а ищущий Бога человек нуждается уже только в чистом сердце, как органе слышания Бога. О таком новом сердце молится блаженный Августин.

Еще одним свойством сердца можно назвать (в образах блаженного Августина) способность сердца понудить человека «рожать зачатое» из прошлого знания, увидеть Бога во всем – в ранее полученном знании, казалось бы, удаленном от Бога. Посредством суетного знания человек постигнутое в простоте сердца раскрывает заново в Боге [1, с. 27]. Господь прощает человеку грех суетного знания, воспринятого в простоте, потому что

знания могут помочь уверовать, обрести Бога, приникая сердцем к руке Божией [1, с. 28].

Излагая обстоятельства своей жизни, блаженный Августин пишет о времени, когда сердце стало «глухим на звенящей цепи, наложенной смертностью» [1, с. 40]. В таком состоянии дружба перерастала в страсть. Душа не знала меры в чувстве, путала дружбу и любовь, постепенно погружая юного оратора в бездну пороков и поднимая на вершины гор страстей. Молчание Божие и нежелание ближних «оженить» молодого Августина толкали его в гордом падении далеко от Бога. Все, чего желало сердце, было лишь мастерство оратора [1, с. 41]. Пережитое Августином соучастие в краже дает Августину возможность сделать вывод о том, что желание украсть было продиктовано не нуждой, а чувством «отвращения к справедливости и от объедения грехом» [1, с. 47]. Здесь был лишь грех ради греха, растленность ради растленности, и в том находило наслаждение сердце. В таком чувстве «щекотки сердца» находилось все близкое окружение юного Аврелия, и оно чувствовало то же самое [1, с. 56].

Логично предположить, что само состояние сердца указывает на нужду выйти за пределы мирских отношений ради Бога, выйти туда, где свет Христов все же достигнет человеческого сердца. В ходе рассуждений блаженный Августин указывает на такое «бегство раба» от «липкой смертности», которое служило не желанием что-то пережить, а потребностью нечто ощущать. Так сказано в «Исповеди». И когда в Карфагене начинается личное становление блаженного Августина, пропадает мучительная и сладкая «щекотка сердца», происходит разобщение с теми, кто окружает его в описываемый период. Освобождаясь от «глухоты сердца», от переживания глухого раба на цепи смертности, Аврелий переживает прерывание Божия молчания.

«Ненастоящность» чувств, по мнению блаженного Августина, возможна от того, что сердце свое, свою душу человек отдает во власть демонической силы, когда мог бы «...в церковных

стенах гореть желанием и улаживать дело, верным доходом с которого была смерть» [1, с. 86]. Вращаясь в обществе «совратителей», Аврелий переживает «ненастоящность» своего круга, свою инаковость по отношению к окружению, вплоть до раздвоенности себя, когда мечты о победах на карфагенском форуме вызывали внутреннее негодование, когда случалось инициированное «совратителями» деяние, относимое к «деяниям дьявольским», такое глумливое «...дерзкое преследование честных новичков, которых они сбивали с прямого пути, так себе, забавы ради, в насыщение своей злобной радости» [1, с. 64]. Неподлинной радости, радости злой, сердце блаженного Августина принять не может.

Для понимания концепта «сердце» у блаженного Августина важно, что «позорной любовью» святой называет все, что не имеет отношения к нетленной любви, и поэтому парадоксом переживания «позорной любви» становится бесконечный поиск – «...что бы мне полюбить, любя любовь» [1, с. 59]. Поиск «что бы полюбить» делает голод только сильнее. Душа заболевает, появляются язвы, из-за которых душа отвращается пищи духовной, потому что «...не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезговал» [1, с. 59]. Любовь по плоти не дает покоя сердцу, и душа стремится «...почесаться, жалкая, о существа чувственные» [1, с. 59].

Театральные зрелища разжигают пламя чувственности. Голод и отвращение к сытости одновременно натягивают струну воли до того же оглушающего звона, что и цепь «липкой смертности», и тишина души становится невозможной. Иллюзорные сострадания страстям театра самого человека не вовлекают в действие и риск. Здесь не нужна самоотдача. Зрительский интерес подкармливает сердце и душу пищей эмоций, оглушая чувства. Какофония внешнего шума заглушает все на свете. Сердце снова живет оглушенным. Лишь исповедь, к которой приходит блаженный Августин, приводит его туда, где святому уже не нужно отстоящее от Бога самопознание философского характера [1, с. 255].

Увидев себя во свете Божиим, блаженный исповедник оставляет свое знаменитое «не сейчас», из-за которого он не умолял Бога избавить от страсти, временно снижая силу страстей, предпочитая страсть «утолить ее, а не угасить» [1, с. 256]. Именно «переменные ветры» [1, с. 189], как выбор между браком и общиной, между покаянием и утолением страсти, бросают сердце в разные стороны. Выбор окончательного единения с Богом требует отдачи всего себя. В этот момент становится страшно, и хочется, чтобы он произошел «не сейчас» [1, с. 184].

Извращение воли, собственный порок, болезнь своего «Я» раскрывает для блаженного Августина поставленный его матерью вопрос: различают ли Бога «...по какому-то неведомому привкусу, объяснить который словами она была не в состоянии» [1, с. 188]. Возникающее вслед как ответ откровение Августин называет «слышанием сердца», когда нет сомнений, «что есть Истина, постигаемая умом через мир сотворенный» [1, с. 217].

И в это самое время окончательного уверования сердце его напрягается в выборе, воля становится как натянутая струна. Друг его Понтициан уходит от оставшихся в хижине отшельников товарищей. Понтициан «и его спутник остались в своем прежнем состоянии, хотя и оплакивали себя. Почтительно поздравив товарищей, они поручили себя их молитвам, и, влача сердце свое в земной пыли, ушли во дворец, а те, прильнув сердцем к небу, остались в хижине» [1, с. 253]. Именно в это время Августин делает выбор прильнуть сердцем к небу. Именно в выборе сердца между миром и Единственным Источником Августин словно воссоздает себя. Перемена его становится собственной Благой Вестью, когда из плена смерти Господь избавил и оживил его, очистил сердце его [1, с. 315].

Обобщая проведенный анализ понятия «сердце» в «Исповеди» блаженного Августина можно заключить, что сердце – это воспитуемый, воссоздаваемый орган человека, обладающий собственным, особенным слухом, когда сердце или совсем не слышит,

или слышит Бога. Если обратиться к концепции понятия «сердце» у других авторов, то, например, у Блеза Паскаля, как пишет профессор Б.Н. Тарасов, сердце имеет собственное поведение, оно вступает в спор с разумом, имея свои доводы, разуму неизвестные [8, с. 230]. Для Достоевского, как и Паскаля, полагает Б.Н. Тарасов, сердце есть «...самое глубинное и первичное основание внутреннего мира человека, корень его деятельных способностей, источник доброй и злой воли, чувства и энергии которого формируют общий духовный склад и непонимание личности, незаметно и органично „нагибают“ ее мысли к тем или иным идеям и теориям» [8, с. 231].

Преподаватель Тульской духовной семинарии иерей Андрей Ендурев обращает внимание читателя на то, что сердце есть вместилище естественного богопознания, указывая на слова апостола Павла: «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон. Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:14–15)» [3, с. 64]. Естественное движение сердца к Богу записано на сердце человека, и обладает человеком по мере нравственного чувства. Здесь воспроизводится «классическое» представление о сердце как вместилище всего благого, направленного к Богу.

В заключение следует сказать, что сердце воспринимается блаженным Августином как:

1) особенный орган слышания Бога и слушания Бога «слышанием сердца», уже не вызывающим сомнений: «И Ты возгласил издали: Я есмь Сущий (Исх. 3:14). Я услышал, как слышат сердцем, и не с чего было больше мне сомневаться: я скорее усомнился бы в том, что живу, чем в том, что есть Истина, постигаемая умом через мир сотворенный (Рим. 1:20)» [1, с. 217];

2) сердце есть орган, обновляемый в богообщении до полной ясности и чистоты, переходящий от беспокойной разнуздан-

ности в плену «липкой клея смерти» [1, с. 167] греха в состояние уверенного покоя;

3) сердце в концепции блаженного Августина есть камертон, что отзывается на звук голоса Божьего, отзывается Богу в созвучии, потому что кроме него «...что ближе ушей Твоих к сердцу, которое исповедуется Тебе и живет по вере Твоей?» [1, с. 42].

Сердце, как орган слушающий и слышащий, в концепции блаженного Августина, помогает человеку не заглушить голос Божий в сердце человека, потому что сладкая «щекотка сердца», звон цепи «липкого рабства смертности» заглушают Божий голос, но посредством слышания сердцем человек откликается Богу в ответ.

Завершая настоящую статью, можно констатировать, что концепт «сердце» у блаженного Августина раскрывает сердце как совершенно особый орган слышания, особый способ постоянной связи с Богом, и человеку важно не заглушать в себе обращение Бога, звучащее непрестанно в каждый день человеческого бытия.

Литература

1. Августин Аврелий, блж. Исповедь. – М. : Дар, 2005. – 544 с.
2. Dulaey, M. «Scatentes lacrimis Confessionum libros». Les larmes dans les «Confessions» // Le «Confessioni» di Agostino (402–2002): Bilancio e prospettive. R., 2003. – P. 230–231.
3. Ендурев А., иерей. Источники естественного богопознания, характерные для Ветхого Завета // Сборник трудов Тульской духовной семинарии. 11–12 мая 2011 года / под общ. ред. И. Н. Юркина. – Тула : Гриф и К, 2011. – С. 51–66.
4. Иустин (Попович), прп. Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): жизнеописание. На Богочеловеч. пути. Путь Богопознания / пер. с серб. С. Фонова. – М. : Паломник, 2004. – Т. 1. – 428 с.

5. Литвинский, В. М. Исповедь и рефлексия (по мотивам «Исповеди» А. Августина) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – № 1. – С. 38–44.

6. Розин, В. М. Анализ вопросов в «Исповеди» св. Августина на основе метода реконструкции сферы и коммуникации вопрошания // Культура и искусство. – 2018. – № 8. – С. 31–39.

7. Степанцов, С. А. Слезный сев и радостная жатва: Пс 125. 5–6 в толковании блаженного Августина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2013. – № 3(47). – С. 30–41.

8. Тарасов, Б. Н. Философия сердца в творчестве Паскаля и русских мыслителей // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – № 3. – С. 229–238.

Deacon Vladimir Kasenkin

FEATURES OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF “HEART” IN THE TREATISE “CONFESSION” OF BLESSED AUGUSTINE OF HIPPO

Abstract: The article attempts to analyze the idea of the concept of “heart” in the treatise “Confession” of Blessed Augustine of Hippo. “Confession”, which has two addressees – the flock and God – makes it possible to learn to listen to the feeling experienced by a person on the way to God. In the treatise, the blessed author repeatedly describes the state of his heart, giving the reader and, accordingly, his flock, personal experience for common use.

Key words: Blessed Augustine, “Confession”, heart, morality, sin, mortality of the soul.

References

1. Avgustin Avrelij, blessed. *Ispoved' [Confession]*. Moscow, 2005, 544 p.
2. Dulaey, M. "Scatentes lacrimis Confessionum libros". Les larmes dans les "Confessions". In *Le "Confessioni" di Agostino (402–2002): Bilancio e prospettive*. R., 2003, pp. 230–231.
3. Enduraev A., priest. *Istochniki estestvennogo bogopoznaniya, harakternye dlja Vethogo Zaveta [Sources of natural knowledge of God, characteristic of the Old Testament]*. In *Sbornik trudov Tul'skoj duhovnoj seminarii. 11–12 maja 2011 goda [Proceedings of the Tula Theological Seminary. May 11-12, 2011]*. Tula, 2011, pp. 51–66.
4. Iustin (Popovich), Rev. *Sobranie tvorenij prepodobnogo Iustina (Popovicha): zhizneopisanie. Na Bogochelovech. puti. Put' Bogopoznaniya / per. s serb. S. Fonova. [Collection of the works of St. Justin (Popovich): biography. On the God-man ways. The Path of Knowledge of God / translated from Serbian into Russian by S. Fonova]*. Moscow, 2004. Vol. 1, 428 p.
5. Litvinskij V. M. *Ispoved' i refleksija (po motivam "Ispovedi" A. Avgustina) [Confession and reflection (based on the "Confession" of A. Augustin)]*. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 17. Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie [Bulletin of St. Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies]*. 2016. No. 1, pp. 38–44.
6. Rozin V. M. *Analiz voprosov v "Ispovedi" sv. Avgustina na osnove metoda rekonstrukcii sfery i kommunikacii voproshaniya [Analysis of questions in the "Confession" of St. Augustine based on the method of reconstruction of the sphere and communication of questioning]*. In *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*. 2018. No. 8, pp. 31–39.
7. Stepancov S. A. *Sleznyj sev i radostnaja zhatva: Ps 125. 5–6 v tolkovanii blazhennogo Avgustina [Tearful sowing and joyful harvest: Ps 125. 5–6 in the interpretation of Blessed Augustine]*. In *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*.

Seriya 1: Bogoslovie. Filosofija. [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy]. 2013. No. 3(47), pp. 30–41.

8. Tarasov B. N. *Filosofija serdca v tvorcestve Paskalja i russkih myslitelej* [Philosophy of the heart in the works of Pascal and Russian thinkers]. In *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015. Vol. 16, No. 3, pp. 229–238.